

Прикладные аспекты семиотики*

Марсель Данези
ТОРОНТО

Нет такой категории науки, которую можно было бы назвать прикладной. Есть наука и ее различные применения, связанные между собой подобно плодам дерева, на котором они растут.

Луи Пастер (1822 – 95)

ВВЕДЕНИЕ

Главным предназначением семиотической теории несомненно является возможность ее разнообразного применения для изучения культурных систем, зрелищ, ритуалов, артефактов и тому подобного. Поскольку в основе всего этого лежат знаки, очевидно, что семиотические понятия, обсуждаемые в этой книге, могут быть применены к изучению чего угодно, от математических текстов и философских концепций до телепрограмм и блокбастеров. Цель этой главы – показать, как семиотика действительно может быть использована в такой области, которую в антропологии называют изучением материальной культуры, – а именно, как такие вещи как одежда и пища устанавливают знаковые системы. Есть, конечно, и другие области применения, но для цели данной книги, выявления сущности того, что понимается под семиотическим анализом, достаточно и этих двух.

Изучение материальной культуры с позиций семиотики включает в себя, прежде всего, вопрос о том, как объекты, являющиеся знаками, порождают значения. Само собой разумеется, есть множество нюансов в проведении се-

* Перевод заключительной седьмой главы книги Марселя Данези «The quest for meaning» (University of Toronto Press Incorporated, 2007, Toronto Buffalo London). Перевод выполнен канд. филол. н. Л.А. Харламовой под общей редакцией д. филол. н. С.Г. Проскурина.

миотического анализа, что дает исследователю возможность решать, в каком направлении двигаться. Однако в целом исследователи семиотики стараются ответить на три основных вопроса относительно какого-нибудь культурного феномена: что он означает, как он кодирует свое значение и почему он означает то, что он означает. Первый вопрос предполагает выявление круга различных использований и функций знака или текста. В некоторых случаях, как мы видели при обсуждении знака V, значение обусловлено культурным контекстом и, как и в методологии антропологических полевых исследований, корректной постановкой вопросов. Второй вопрос заключается в характере использования основ теории знака для описания структурных характеристик исследуемого знака или текста (иконичность, индексальность и т. д.). В случае со знаком V, оказывается, что первоначально иконичность играла ключевую роль – например, в значении ‘победа’. Знак представляет собой первую букву этого английского слова victory; а в значении женского символа он, несомненно, представляет ‘сосуд’ – символически ассоциируемый с женской сексуальностью. Наконец, изучение того, почему знак или текст означает то, что он означает, включает следующие две формы анализа:

Историческое исследование. Предмет культуры первоначально должен быть исследован с точки зрения его истории. Причина этого очевидна – чтобы обрести истинное понимание того, что означает некоторый предмет, необходимо выяснить, как он впервые появился, к какому коду он принадлежит и как он означивается.

Коннотативный анализ. Показать культурное значение чего-либо значит глубоко вникнуть в коннотации.

В случае со знаком V мы обнаружили, что его разнообразные коннотации были связаны с несколькими историческими событиями и традициями. Например, его применение в качестве знака “мира” было отменой его прежнего значения ‘победа’, а его использование в качестве символа женственности уходит в далекое прошлое истории символов, в котором он был архетипическим дополнением фаллоса.

ОДЕЖДА

Во всем мире одежда используется не только для защиты и из скромности, но также с целью создания социально значимых сигналов. Некоторые люди носят одежду еще и для того, чтобы утверждать идеологические, политические и другие важные для общества взгляды. В таких случаях одежда образует невербальную знаковую систему и, таким образом, явно представляет интерес для семиотического исследования, в котором можно показать, как действует коннотация в одной специфической области материальной культуры.

Что означает одежда (= первый вопрос семиотического исследования)? Одежду, как и любой другой предмет или артефакт, мы интерпретируем как знаки; они символизируют такие вещи как личность, социальный статус и обязательно характер того, кто их носит. Действительно, одежда означает очень многие, зависящие от социального окружения и функций вещи. Как таковая одежда принадлежит к разнообразным кодам внешнего вида, которые взаимосвязаны в общественном сознании для того, чтобы обеспечить информацию о

том, как одеваться в конкретных случаях. В семиотическом пространстве одеяние – это нечто большее, чем защитный покров. Это знаковая система, которая взаимосвязана с другими социальными кодами общества, посредством которых можно кодировать социальные различия, такие как положение в обществе, пол, возраст, классовую принадлежность, политические убеждения. Вот почему для особых групп, вроде спортивных команд, военных и религиозных организаций, требуется униформа. Она кодирует особый вид значений, нужными для общества способами. Интересно, что коды внешности как и другие виды кодов, могут быть использованы с целью обмана: руководитель художественной группы или главарь банды может одеться в костюм-тройку, чтобы выглядеть респектабельно; вор может одеться как полицейский, чтобы войти в доверие к жертве и т. д. Чтобы люди не обманывали других своей одеждой, в некоторых сообществах даже издавались законы, которые запрещали вводившие в заблуждение одеяния и регламентировали, кто каким образом имеет право одеваться. В древнем Риме, например, только аристократам позволялось носить одежду пурпурного цвета (отсюда фраза *born to the purple* – «пурпурные от рождения»); а во многих культурах, испытывающих сильное влияние религии, постоянно поддерживаются различия в правилах одежды для мужчин и женщин. Чтобы получить правильное представление о том, каким образом специфические виды одежды означают то, что они означают (а это второй вопрос семиотического исследования), важно изучить связи между одеждой и телом в специальном культурном контексте. Во всем мире тело воспринимают не просто как биологическую структуру, а как то, что связано с личностью, и на его восприятие влияет своеобразие культуры. Отношение к человеческому телу различно в разных культурах и исторических периодах. В древней Греции, например, тело прославлялось как источник удовольствий. В Римской империи, наоборот, его считали источником морального разложения. Христианская церковь всегда видела двойственность тела: оно и храм и враг духа. Поскольку одежду носят на теле, ее воспринимают как продолжение структуры и форм тела с присущими им свойствами. Во время обряда обручения узула молодая женщина должна сделать ожерелье из бус, похожее на плотно облегающий воротничок с прикрепленной плоской пластинкой, которое она затем дарит своему жениху. Это ожерелье является своеобразным любовным посланием, которое содержится в его цветовой гамме и рисунке. Например, сочетание белых и розовых бусин в определенном узоре передаст сообщение: «Ты – беден, но я все равно люблю тебя».

Человеческое существо – это единственное животное, которое «не ходит голым» без, так сказать, общественного принуждения (если, конечно, социальное окружение – не нудистский лагерь). Нагота противопоставляется одежде как член одной оппозиции. Иными словами, одежда и нагота составляют единую систему значений. Действо «удаления одежды», такое как стриптиз, привлекательно из-за этой подсознательной оппозиции. В условиях художественного оформления зрительного зала оно несет в себе, прежде всего, нечто похожее на ритуал язычников, основанный на имитации (миметическом портретировании) сексуальных действий и сексуальных эмоций. По мнению психоаналитиков, сокрытие тела под одеждой парадоксально стимулировало любопытство и сексуальный интерес к телу. Словом, именно отсутствие одежды

и делает наготу привлекательной. Этим также объясняется то, что некоторые виды одежды, такие как туфли, воспринимаются как сексуально значимые. Скрывая их, они намекают на те части тела, которые стали привлекательными. Обнаженное тело само является знаком. Поэтому обнаженная фигура всегда очаровывала художников. Древнегреческие и римские статуи воинов, мощная скульптура Давида у Микеланджело (1475-1564), обнаженная скульптура Мыслителя показывают силу мужского тела. Эта иконография наготы и есть то, что усиливает привлекательность мужчины в нашем обществе. Мужчину со слабым телом вряд ли воспринимают как сексуально привлекательного. На другой стороне этой семиотической парадигмы картины и скульптуры женской обнаженной фигуры имеют тенденцию изображать женское тело двояко: (1) либо нежным и податливым, каким можно видеть его у древнегреческих статуй и у Венеры Милосской, которая представляет Афродиту, греческую богиню любви и красоты (Венеру в римской мифологии); либо (2) дикое и сильное (каким можно видеть его в скульптуре Дианы из Греческой мифологии). Именно второе (2) вновь вышло на первый план в 1990ые годы. В массовой культуре изображение женщин, известное как движение «женской силы», делает сегодня акцент на втором типе иконографической традиции, хотя первый вряд ли исчез. В знаковой системе игра противопоставляемых ценностей одеяния и наготы – это часть исторической иконографии культуры. Эта иконография, в значительной мере подсознательная, регулирует внешний вид буквально во всех сферах жизни человеческого общества, от рекламы и эротики до религиозного облачения.

Почему одежда означает то, что она означает (= третий вопрос семиотического исследования)? Никто точно не знает, почему и когда люди впервые одели одежду. По оценкам специалистов история одежды началась 100 000 лет назад. Археологические исследования позволяют предположить, что охотники доисторического периода одевались в шкуры медведей и оленей, чтобы согреться или продемонстрировать свою ловкость, храбрость и силу. К концу каменного века, примерно 25 000 лет назад, люди изобрели иголку, которая дала возможность сшивать шкуры. Они также научились прясть пряжу из нитеподобных частей некоторых растений, из меха или волоса животных. К тому же они еще научились плести из пряжи ткань. В то же самое время люди стали выращивать растения, которые постоянно обеспечивали их сырьем для изготовления пряжи. Началось разведение овец и других животных, дающих шерсть.

Биологически одежда выполняет действительно важную функцию – она значительно повышает способность к выживанию. В семиотической теории – это уровень денотации, на котором референт связан с биологическими или практическими потребностями. Денотативно одежда является рукотворным продолжением защитных ресурсов организма, воспринимаемым как дополнение к плотности защитного кожно-волосного покрова. Поэтому стили одежды варьируются в различных географических и климатических зонах. Однако, в семиосфере восприятие одежды вовсе не денотативное с одной только биологической функцией. В семиосфере одежда принимает целый ряд коннотаций, которые не связаны с выживанием и накапливаются с течением времени, в результате чего формируются коды одежды, которые снабжают людей инфор-

мацией о том, в какой ситуации как одеваться. Для того, кто ничего не знает о культуре племени эму, синяя или темно-коричневая одежда на мужчине этого племени – это просто одежда. Но для соплеменников синий цвет указывает, что возраст того, кто его носит, от 16 до 35 лет, а коричневый – на возраст после 35. Также для постороннего русский колпак – это красная шапка без полей. Но для местного жителя это значит, что тот, кто его носит, это врач. Даже в холодном климате люди, кажется, более заинтересованы в украшении, чем в защите своего тела. В 30-х годах 19 века британский биолог Чарльз Дарвин (1809-82) отправился в путешествие на остров Огненная Земля на южной оконечности южно-американского континента. Там он видел людей, которые носили лишь немного краски, да маленькую накидку, сделанную из шкуры животного, несмотря на холодный дождь со снегом. Дарвин дал этим людям красную ткань; они взяли ее и одели на шеи вместо того, чтобы укутать ей нижнюю часть тела для тепла. Несмотря на холодную погоду люди носили одежду не в целях защиты, но прежде всего, для украшения своего тела, чтобы выглядеть привлекательно.

В традиционных родоплеменных и религиозных культурах правила в одежде меняются редко и строго соблюдаются, чтобы сохранить культурную преемственность и культурные ценности. Шаманы, например, всегда носили особую одежду, чтобы выделяться. И сегодня это имеет место у служителей культа всех разновидностей. В нерелигиозных группах людей понимание одежды такое же. Члены группы байкеров, например, носят кожаные пиджаки, ботинки и предметы вроде медных пряжек, демонстрируя единство и групповую принадлежность человека. Действительно, одежда характеризует принадлежность человека к группе и идеологии. Поэтому во многих религиозных сообществах осуждается стремление носить модную одежду. Они считают, что люди должны заботиться о других вещах. В качестве примера можно взять людей племени эму, им свойственна такая система верований. Мужчины у них носят простые темные одежды, а женщины – простые длинные платья.

Однако, в некоторых культурах, таких как американская, мода в одежде постоянно изменяется, отражая общественные тенденции и политические движения. В таких культурах мода – это важная примета повседневной жизни. Взять хотя бы женщин, которые носят брюки в западной (и других) культурах. Молодые женщины начали носить брюки в 30е – 40е годы, но делали это от случая к случаю. Судя по денотату и коннотациям, тот, кто носил брюки в семье, считался мужчиной. Со сменой структуры социальных ролей в 50е – 60е годы женщины стали носить брюки постоянно и тем самым сделали новую социальную заявку. Ношение брюк было выразительным символом феминизма. В 60е годы универсальная мода для обоих полов символизировала равенство полов, эмблемой ее стали джинсы, которые носили и мужчины, и женщины. Эта одежда служила материальным выражением феминизма и общественной идеологии, которую он создавал. Обратная ситуация, между прочим, пока не проявилась. Если не считать случаи особых ритуалов – например, ношение шотландских килтов – западные мужчины никогда не носили юбок. Если носят, это типичный признак трансвестизма.

Тенденции в моде проявляются в ношении определенных предметов одежды, которые получают особые значения. Например, значения головных

уборов очень разнообразны и зависят не только от климата, но и от обычаев. Так, русский фермер носит меховую шапку, чтобы защитить себя от холода, южноамериканский ковбой носит фетровую шляпу как часть традиционного костюма, американский ковбой носит широкополую шляпу для защиты от солнца, члены национальной военной организации носят шляпы как часть униформы. Шапки шахтеров, пожарных и матадоров указывают на род занятий своих владельцев, клоуны носят яркие смешные шапки для выражения радостного настроения; и этот список можно продолжать и продолжать. Но вне этих традиционных контекстов шляпы в западном мире стали служить средством выражения ценностей моды, что привело к ношению многих видов необычных головных уборов. В 15м веке у европейских женщин были в моде высокие конусообразные шляпы, называвшиеся *хеннин*. Высота такой шляпы достигала 0,9–1,2 метра, у нее была длинная развевающаяся вуаль. Шляпа гинсборо вошла в моду как у мужчин, так и у женщин в начале XVIII века. Это была широкополая шляпа, украшенная перьями и лентами. Сегодня люди носят шляпы, которые, по их мнению, украшают их или показывают их принадлежность к какой-либо группе (например, к взрослым). Вот почему сегодня и привлекательны и стильны головные уборы, предназначенные для защиты, такие как меховые уборы и шляпы от дождя. Даже фуражки военных и полицейских делают такими, чтобы они украшали внешность.

До эпохи ренессанса мода была, в основном, привилегией богатых и власть предержащих. Однако с начала XX века во всем мире она стала неотъемлемой частью жизни простых людей. Утверждение моды стало утверждением личности, а не просто признанием социального положения и важности.

Моду, таким образом, можно определить как преобладающий стиль или привычку в одежде. Как уже неоднократно упоминалось, хотя мода относится к платью, она не совсем то же самое, что и одежда. Люди всегда носили одежду, которая отражала устоявшиеся обычаи их социума, и в прошлом стили в одежде менялись крайне медленно. Однако по разным историческим, психологическим и социальным причинам мода заставила стили меняться быстро. Какой-нибудь стиль в одежде может появиться как веяние моды, затем этот стиль превращается в обычай, если он передается из поколения в поколение. Мода, которая быстро проходит, называется увлечением. Чтобы понять, как возникают коды в моде, стоит рассмотреть историю мужского делового костюма, который и сегодня носят в офисах западного мира, неизменно сохраняя его основные существенные черты. Подтекст этого внешнего сообщения, конечно же, таков: одежда для успешного человека. Как этот подтекст выкристаллизовывался? Начало ответа на этот вопрос надо искать в Англии XVII века, где возник жесткий идеологический конфликт между двумя слоями общества: королевскими кавалерами, которые были верны королю Карлу I, и пуританами, последователями Оливера Кромвеля (1599-1658). Кромвель был военным, политическим и религиозным деятелем, приведшим парламентариев к победе в гражданской войне в Англии (1642-49). Этот конфликт был битвой образов жизни, в которой два противоборствующих лагеря пытались установить свои правила в политической, религиозной и культурной жизни английского общества. Кавалеры были аристократами, которые только внешне следовали учению англиканской церкви. Больше всего им нравилось иметь привилегии (по

крайней мере, так их понимали пуритане). Они носили яркие одежды, нарядные шляпы с перьями, бороды и длинные распущенные волосы. Этот образ кавалера увековечен в таких произведениях, как «Три мушкетера» Александра Дюма (1802-70) и «Сирано де Бержерак» Эдмонда Ростана (1868-1918). Пуритане, наоборот, с осуждением относились к такой моде, которая, по их мнению, представляла «образ жизни дегенератов». Приверженцы Кромвеля, известные как «круглоголовые», очень коротко стригли волосы, запрещали все плотские удовольствия и ношение фривольной одежды. Они носили темные костюмы и платья с белыми рубашками и воротничками. Их одежда выражала здравомыслие, простоту и строгую мораль. В 20-х – 30-х годах семнадцатого века у власти находились кавалеры. В это время пуритане бежали из Англии и иммигрировали в Америку, неся с собой свой образ жизни, строгие правила поведения и стиль одежды. В 1645 году пуритане, возглавляемые Кромвелем, разгромили силы роялистов и казнили короля. Вследствие этого многие кавалеры также эмигрировали в Америку. Поскольку пуритане к этому времени уже основали колонии на северо-востоке, кавалеры решили создать колонии на юге. Сын короля Карл II бежал во Францию с целью обосноваться со своим двором в ссылке. Двадцать лет Англией правили пуритане. Осуждая всевозможные развлечения, они закрыли театры, ввели цензуру на книги, строго соблюдали воскресный день и запретили носить кричащую одежду.

Вскоре после смерти Кромвеля в 1658 году пуритане лишились власти; в 1660 г. Англия вернула из ссылки короля Карла II. В последующие 25 лет, известные как реставрация, наблюдался возврат к образу жизни и модам кавалеров. Затем, в течение двух веков, пуритане ждали своего часа. Их исключили из властных политических структур, университетов, важнейших общественных учреждений. И тем не менее, они годами сохраняли свой образ жизни и правила в одежде.

И вот пришло время промышленной революции, и пуритане были наконец-то отомщены, и на этот раз надолго. Их образ жизни, основанный на экономности, прилежности, терпении и трудолюбии, который еще иногда называют «рабочей этикой» протестантов, – дал им преимущества в экономических условиях нового промышленного мира как в Америке, так и в Англии. Последователи Кромвеля разбогатели и наконец стали управлять экономикой. С тех пор пуританская этика и мода оказывают влияние на британскую и североамериканскую деловую культуру, не говоря уже об общественной морали и ценностях вообще. В этих ценностях следует искать истоки современного корпоративного капитализма. Убеждение в том, что упорный труд и «честная жизнь» взаимосвязаны и что это сочетание добродетелей ведет к богатству и процветанию, получило широкое распространение в начале прошлого века. И сегодня в капиталистической культуре существует глубокая убежденность, что упорный труд и строгие жизненные принципы ведут к успеху и в этой, и в загробной жизни.

Деловой костюм – это современный вариант пуританского платья. Неброские цвета (синий, коричневый, серый), которых требует деловой мир, это современное отражение пуританской боязни яркости и украшений и нелюбви к ним. Во время десятилетий хиппи в 60-х – 70-х годах пространство офиса ненадолго попало под влияние новой формы кавалеризма, когда носили яркие

костюмы, длинные пиджаки, медальоны и бороды, белым рубашкам предпочитали свитера с высокими воротниками, отпускали волосы, бакенбарды. Этот новый вызов моды был серьезной попыткой победить мир корпоративного капитализма. Но она была обречена, и движение хиппи потерпело поражение от консервативных неопуританских сил в конце семидесятых, восьмидесятых годах. И вновь модель делового костюма стала правилом в одежде всей корпоративной Северной Америки, с очень небольшими вариациями в деталях.

Деловой костюм как-то не выходит из моды, возможно потому, что он неразрывно связан с историей капитализма. Но сегодня даже этот код моды стал довольно-таки эклектичным, если не фрагментарным. Возьмите, к примеру, длину юбки в женском деловом костюме. Мини, макси и нормальная длина попеременно входят и выходят из моды. Видимо, деталь вроде длины юбки сама по себе не имеет значения. Что следует принимать в расчет, так это то, что под ней подразумевают как под означающим в смысле вечно меняющегося восприятия женщины на рабочем месте и в обществе вообще. Когда мини «входит» в моду, это, видимо, означает, что в культуре усиливается акцент на сексуальной свободе, когда «выходит» из моды, это, по-видимому, означает противоположное – пониженный акцент на сексуальности. В любом случае, здесь дело в том, что специфические элементы и черты кода моды неизменно имеют ценностные коннотации, уходящие корнями в более широкие коды культуры.

Настоящая мода впервые появилась в северной Европе и Италии в конце средневековья с подъемом класса буржуазии в ходе развития системы социальных классов. В это время европейцы начали делить общество на группы по принципу богатства, происхождения и рода занятий. Одежда, которую носили люди, помогала идентифицировать их как членов определенного социального класса. До позднего средневековья только богатые и обладавшие властью люди заботились о стиле своей одежды. Но по мере развития классовой системы все население включилось в борьбу за положение в обществе. Одним из средств в этой борьбе была мода. Во времена ренессанса молодые люди из буржуазной среды Италии одни из первых ввели настоящую моду. В то время как старшее поколение одевалось в традиционные длинные одежды, молодые мужчины носили трико и шорты, плотно облегающие фигуру пиджаки под названием дублеты. Это был один из первых примеров молодежной одежды, которая преднамеренно отличалась от одежды зрелых людей. Еще одно из первых модных нововведений установили немецкие солдаты, когда они резали свою роскошную шелковую одежду ножами, чтобы показать другие яркие одежды, которые находились под первыми. Эта тенденция моды тоже была молодежной и предназначалась, вероятно, для того, чтобы влиять на чувства противоположного пола.

До начала XIX века мода во многих странах контролировалась правилами, которые назывались законами регулирования расходов. Они ограничивали суммы денег, которые люди могли потратить на собственную роскошь, и издавались, вероятно, для того, чтобы поддерживать классовые различия. Таким образом, мода регулировалась в соответствии с положением человека в обществе. В некоторых странах только правящий класс имел право носить шелк, меха и красный и пурпурный цвет. В Париже в начале четырнадцатого века

закон запрещал женщинам среднего класса носить высокие прически, широкие рукава и меховую отделку. Другие законы по регулированию расходов предписывали людям покупать изделия, выпускаемые в их собственной стране, чтобы поддерживать экономику своей страны. Например, английский закон начала восемнадцатого века запрещал людям всех классов носить одежду из хлопка, произведенного за пределами Англии. Но соблазн моды заставлял многих людей нарушать этот закон. Одежда имела такой успех, что люди носили ее, рискуя при этом быть арестованными.

Простолюдины всегда стремились повысить свой социальный статус, следуя моде привилегированных слоев. Мода также служила различию в восприятии пола. До конца восемнадцатого века европейские мужчины из высших классов одевались столь же изысканно как и женщины. Считалось вполне приемлемым для мужчины носить костюмы ярких или пастельных тонов, отделанные золотом и кружевом, шляпы, украшенные перьями, туфли на высоких каблуках, драгоценные ювелирные украшения. Но к середине девятнадцатого века мужчины отказались от этой чрезмерной пышности в пользу простых темных шерстяных костюмов. Общество увидело в этом новом стиле моды демократичность, деловитость и мужественность. До начала двадцатого века европейские и американские женщины редко носили брюки, а их юбки почти всегда закрывали лодыжки. К 20м годам, однако, стандарты женской скромности изменились настолько, что женщины стали носить и брюки, и укороченные юбки. Несмотря на распространенное мнение политические события редко вызывают изменения в моде. Однако политические события иногда действительно ускоряют изменения, которые уже начались, как мы видели в случае с деловым костюмом. Например, во время французской революции (1789–1799) простая одежда заменила экстравагантные костюмы, которые были в моде у французских аристократов. Но простой стиль уже стал популярен за несколько лет до этого, когда мужчины в Англии начали носить практичные темные костюмы вместо элегантных цветных одежд. Англичане отождествляли эти простые костюмы с политической и личной свободой. Поскольку многие французы восхищались английским либерализмом. Этот стиль стал входить в моду во Франции еще перед революцией.

В девятнадцатом веке изобретение механического ткацкого станка, химических красок, искусственных тканей и методов массового производства сделало моду доступной гораздо большему числу людей. К тому же новые средства коммуникации распространяли европейскую и американскую моду по всему миру. Индустриальная революция создала «глобальную моду». С тех пор стали множиться журналы и показы мод. И, как отметил Бартес, они постоянно меняются, потому что быстрые изменения гарантируют экономический успех. Это единственная константа в современных направлениях моды. Сегодня законодателями мод являются скорее знаменитости с приятной наружностью, чем аристократы. Люди стремятся следовать моде преимущественно для того, чтобы сделать себя такими же привлекательными. С изменением стандарта красоты меняется и мода. Например, когда в 80х годах физическое здоровье стало признанным стандартом приятной внешности, люди все чаще стали носить спортивную одежду. Какой-нибудь стиль одежды может стать модным на некоторое время во многих разных группах людей. Так в се-

редине девятнадцатого века стали носить голубые джинсы как рабочую одежду. В течение нескольких десятилетий их носили главным образом работавшие на открытом воздухе люди, такие как фермеры и ковбои. В 40-х – 50-х гг. двадцатого столетия американские подростки приняли моду на голубые джинсы за их удобство и практичность. Молодежь 60х годов носила голубые джинсы в знак бунтарских политических и общественных взглядов. В 70-ые гг. люди уже не считали джинсы символом молодости или протеста, и в моду вошли дорогие фирменные джинсы.

ПИЦЦА

Еда, как и одежда, воспринимается во всем мире не только как органическое вещество или средство поддержания биологического существования, но и как средство выражения разнообразных общественно значимых сообщений. Более того съедобность в значительной мере определяется историческим наследием, придающим смысл той или иной пище.

Концепция, занимающая центральное место в семиотических исследованиях в этой области состоит в том, что пицца представляет собой знаки, имеющие разнообразные значения в общественной жизни.

Что означает пицца (первый вопрос семиотического исследования)? В культурных контекстах различные виды пиццы, кулинарная обработка, поводы для застолий и ритуалы и отмечаемые застольем события имеют специфические значения. Употребление мяса, например, зависит от особых коннотаций, которые имеет определенное животное в культурном ареале. В западном обществе употребление мяса – дело обычное, независимо от того, как оно приготовлено (бифштекс, гамбургер и т. п.), потому что мясо скота воспринимается как съедобная пища; в то же время мясо кролика или кошки – несъедобно, потому что эти животные определены культурой как домашние друзья человека. Как показывает этот простой пример, мясо – это знак, который приобрел свое значение в связи с системой культурно-специфических значений, которые имеют животные. В большинстве сообществ, в которых едят мясо, одних животных рассматривают источником пиццы, а других – нет, считая их несъедобными.

Пицца – это, несомненно, больше, чем вещество для питания и поддержания жизни. Так как же она приобретает значение (второй вопрос семиотического исследования)? Пицца приобретает значение, когда ее готовят, а способы ее приготовления выявляют различные коннотации. В 1964 году Клод Леви-Стросс доказывал, что разница между «сырой» и «приготовленной» пищей лежит в основе религиозных и социальных установлений. Многие христиане, например, произносят молитву перед началом совместного приема пищи; а евреи произносят специальные молитвы перед тем, как пьют вино и едят хлеб. На званом обеде порядок подачи блюд, какие сочетания блюд возможны, как разместить блюда на столе, кого за столом обслуживать в первую очередь, кто должен руководить, кто говорить, а кто слушать, кому где сидеть и какие темы допустимы за столом, – все это основано на традициях, сложившихся в связи с приготовлением пищи. Более того, во всех культурах на каждый случай имеется набор ритуалов и правил поведения, которые сопровождают приготовление

пищи и прививаются носителям культуры с рождения. Если вам не известны правила поведения за столом, вам придется их выучить, чтобы жить в культурной среде и не вызывать осуждение и неодобрение.

В письменных памятниках социальная важность пищи впервые отмечается греческим историком Геродотом (484-252 до н.э.), который провел значительную часть своей жизни в путешествиях по Азии, Вавилону, Египту и Греции, примечая и записывая для потомков различия (по отношению к афинской культуре), которые он ощущал в языке, одежде, пище, этикете, легендах и ритуалах разных народов, с которыми он встречался. Записи, которые он делал, составляют первое значительное описание культур буквально всего древнего Ближнего востока, включая культуры скифов, медийцев, персов, ассирийцев и египтян. По примеру Геродота другие древние историки тоже стали систематически описывать и сравнивать языки, характеры, правила поведения и географическое распространение народов, которые они посещали. Как обнаружили эти древние «антропологи», в социальном окружении пища приобретает значение, которое выходит за пределы ее основной функции обеспечения выживания, и это влияет на восприятие ее съедобности. Пища отражает социальную организацию, религиозные верования и другие аспекты общественной жизни. Другими словами, это важный элемент для понимания всего «кода» культуры.

Системы этикета, оказывается, существовали даже в древних племенах. Когда доисторические люди начали взаимодействовать друг с другом, они учились вести себя так, чтобы делать жизнь легче и приятнее. Например, когда люди научились земледелию и скотоводству, возможность запастись пищей привела к большим совместным застольям. Складывались ритуалы приготовления и раздела пищи, а со временем они превратились в современные правила поведения за столом. Позднее в древних цивилизациях, таких как Древняя Греция и Римская империя сложились правила приличного поведения в обществе. Такие правила стали более формальными в средние века, когда мальчики, чтобы стать рыцарями, изучали правила поведения, называвшиеся кавалерскими. В соответствии с этими правилами рыцарь должен был посвятить себя христианской церкви и своей стране и относиться к женщине с великим уважением. Некоторые аспекты кавалерства, особенно отношение к женщине, стали традиционной частью воспитанности.

В сегодняшний официальный этикет многое пришло из французского королевского двора семнадцатого и восемнадцатого веков. Король Людовик – XIV ежедневно планировал список того, что он будет делать, в какое время, где и в какой одежде. Этот список вывешивался в Версальском дворце как «этикет» (французское слово, означавшее «билет»), чтобы известить знатных людей, что надо делать. Это упорядочило жизнь придворного общества, и другие монархи ввели это правило поведения при своих дворах. Со временем повсюду на Западе высшие классы приняли это установление.

Почему пища имеет так много значений (= третий вопрос семиотического исследования)? Само собой разумеется, без пищи невозможно выжить. Поэтому денотативно пищу можно определить как материал для выживания. И все же как уже говорилось, в семиосфере пища и еда включают в себя культурно-специфические коннотации. Термин, который часто используют для обозначе-

ния системы коннотаций, связанных с пищей – это «кухня». Кухня рассказывает не только о том, что ест определенный народ, но и как он это готовит и, как следствие, многое другое о людях. Первобытные люди ели, по-видимому, ту растительную пищу, которую могли найти, включая дикie плоды, грибы, орехи, корни и семена. Они также ловили рыбу и мелких наземных животных и ели мясо мертвых животных, которых они находили. Со временем они научились делать оружие, чтобы охотиться на крупных животных, и вероятно, тратили много времени на то, чтобы их выследить. Если запас пищи истощался в одной местности, они переселялись дальше. Некоторую пищу они жарили над горячими углями костра от возникавших в природе пожаров. После того как они научились добывать огонь, они еще чаще стали жарить пищу. Когда они научились изготавливать глиняную посуду, они стали варить и тушить пищу.

Примерно в восьмом тысячелетии до нашей эры люди начали выращивать растения и животных для пищи – с этим связан подъем общинного земледелия и скотоводства, обеспечивавшего людей постоянным поступлением продуктов питания. Сельскохозяйственные работы побуждали людей оседать в одной местности вместо того, чтобы кочевать в поисках пищи. Для первобытных земледельцев особенно важной сельскохозяйственной культурой было зерно. Также было важным разведение крупного рогатого скота, коз, овец и других молочных и мясных животных. Некоторые доисторические племена были кочевыми. Они перемещались по местности своими маршрутами, разводя таких животных как верблюды, козы и овцы. Между 3500 и 1500 годами до рождения Христа возникли первые великие цивилизации в долинах рек, таких как долина Нила в Египте, долина Тигра и Евфрата на территории современного Ирака, долина Инда – нынешний Пакистан и северо-западная Индия, долина реки Хуанхэ в Китае. Во всех этих долинах была плодородная почва и благоприятный климат, что позволяло земледельцам собирать обильные урожаи. В древнем Египте, например, земледельцы с берегов Нила могли собирать по два или три урожая в год с одного поля. Они выращивали ячмень и пшеницу, а также овощи, такие как бобы, салат, горох. Египтяне культивировали и фрукты, такие как виноград и дыни. Их поголовье состояло из крупного рогатого скота, коз и овец.

Сначала общество Древней Греции и Римской империи было не способно производить достаточно пищи для своего растущего населения. Поэтому им было необходимо импортировать большое количество продуктов из других стран. Возможно именно поэтому обе цивилизации начали покорять и колонизировать земли, в которых имелись обильные источники продовольствия. К третьему веку нашей эры Римская империя занимала большую часть Европы, почти весь Ближний восток и средиземноморское побережье Африки. Крупнейшие хозяйства империи специализировались на выращивании пшеницы, которая составляла основу питания римлян.

Человеческая культура, как свидетельствуют факты, – это следствие усилий по обеспечению бесперебойной поставки продуктов питания и изобретению технологии, которая бы сделала пищу изобильной и долго хранящейся. Как уже говорилось, антрополог Клод Леви-Стросс доказывал, что происхождение культуры можно действительно проследить вглубь веков до возникно-

вения «технологии приготовления пищи». Он показывал, что результатом этих преобразований стали два процесса: жарение и варка, оба относятся к первым значительным технологическим достижениям человечества. Жарение – более простой процесс, чем варка, поскольку требует прямого контакта пищи с огнем. Варка предполагает более продвинутую технологию, поскольку требует участия глиняного горшка. Именно варка привела к возникновению настоящей культуры, которая подразумевает, что пищу делят с другими членами общества. Вот тут-то пища и приобрела символические значения.

Чтобы понять, как это случилось, полезно вообразить себя в положении Робинзона Крузо, главного героя знаменитого романа Даниеля Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», который был опубликован в 1719 году. Это художественное произведение, однако, оно основано на реальных приключениях моряка Александра Селькирка (1676-1721), которого высадили на необитаемом острове у берегов Чили. Роман описывает бесхитрое искреннее старание Робинзона Крузо преодолеть трудности, с которыми он столкнулся на острове. Представьте себе, что вы покинуты на острове неизвестно где, подобно Робинзону. Когда мы лишаемся поддержки и защиты окружающих людей, первый наш инстинкт – выжить во что бы то ни стало. В такой ситуации потребность в пище и воде имеет приоритет по сравнению со всем остальным, и мы вряд ли будем слишком разборчивы в еде. Наверняка, мы будем есть, что только сможем найти. Теперь предположим, что прожив в одиночестве на острове в течение нескольких лет, мы обнаруживаем таких же покинутых одиночек, каждого в отдаленной части острова, но все они говорят на одном языке. Поскольку численность – это сила, принимается решение всем желающим объединиться в группу. В группе каждый получает какую-нибудь обязанность по заготовке, хранению и приготовлению пищи. Это разделение труда составляет вдруг возникший «общественный договор». Со временем будут заключены и другие общественные договоры, все они предназначены обеспечить выживание. Съедаемая пища и способы ее приготовления с этого времени начнут приобретать значения, выходящие за рамки выживания. Группа может захотеть, например, установить, что в какой-то день недели они будут есть особый вид пищи, приготовленный особым образом, в знак благодарности, которую все испытывают (в связи с тем, что выжили). Отсюда может получить начало рудиментарная религиозная традиция. Подобным же образом могут быть учреждены и другие традиции.

Эта зарисовка показывает, что пища, приготовленная для группы едоков, обязательно приобретает большую важность, чем просто средство выживания. Когда стали доступными особенно изобильные источники питания, люди оседали постоянными, не менявшимися в течение года сообществами, в которых они научились одомашнивать растения и животных для использования их в пищу и в качестве транспорта, для изготовления одежды и т. д. По мере того, как все больше людей концентрировалось в постоянных местах проживания, общественные договоры превратились в культурные обычаи, сопровождаемые религиозными церемониями и ритуальными застольями (такими как праздничные столы и пиры). Эти первобытные сообщества охотников и собирателей вскоре создали сложные системы верований, связанные со сверхъестественным миром и поведением духов и божеств. Пища стала частью ритуала и об-

мена общественными значениями и зачастую предлагалась божествам в обмен на особое расположение. И по сей день пища воспринимается как гвоздь программы всевозможных церемоний и ритуалов от пиров (свадебных и тому подобных) до простых общественных собраний. Мы постоянно планируем встречи за завтраком, обедом и ужином. Действительно, наши планы строятся вокруг приемов пищи. Даже обычное романтическое свидание трудно представить без какой-нибудь еды (возможны варианты от попкорна в кинотеатре до изысканной пищи в специализированных ресторанах).

Во время ритуалов блюда принимают специфические символические значения. Возьмите, к примеру хлеб. Мы говорим о «хлебе насущном», «зарабатывании на хлеб», и т. п., потому что хлеб – это символ жизни (и это во многих культурах). Между прочим, слово «компаньон» происходит из латыни и буквально означает «тот, с кем мы делим хлеб». И по сей день считается, что хлеб должен быть на столе каждый раз, когда мы едим. Видимо хлеб ассоциируется с жизнью потому, что он – один из самых старинных продуктов, которые человек ел и готовил. Древние люди делали пресный хлеб, смешивая муку из зерновых с водой и выпекая получившееся таким образом тесто на раскаленных камнях. Историки считают, что египтяне научились делать хлеб из дрожжевого теста около 2600 года до н. э. Древние греки научились делать хлеб у египтян, а затем научили этому римлян. В первом веке нашей эры римляне передали эти знания народам многих частей Европы, которых они покорили.

Многие символические значения пищи берут начало в рассказах о происхождении человека. В библейском рассказе, например, Адам и Ева едят запретный плод. Средневековые картины представляют эдемскую сцену с этим плодом в виде яблока. С тех пор яблоко как библейский символ запретного знания продолжает повторяться во многих сообществах. Поэтому яблоня символизирует «древо познания», видимо поэтому компьютерная компания «Apple» выбрала этот фрукт в качестве названия компании и ее логотипа и т. д. В Малой Азии открытие и окультуривание яблок относится к 6500 г. до н. э. Египетский Рамзес II культивировал яблоки в садах на берегах Нила в 13 веке до н. э. В понимании древних греков яблоко было «золотым плодом», потому что в греческой мифологии яблоко было даровано Гере из сада Гесперида в качестве свадебного подарка, когда она выходила замуж за Зевса.

В качестве еще одного примера символизма пищи рассмотрим мясо ягненка. Это очень важное пасхальное блюдо в центральных и восточных странах Европы. Его едят в это время литургического года, потому что оно репрезентирует Иисуса и связывает его смерть с жертвенным агнцем первой еврейской пасхи. Поэтому христиане традиционно относятся к Иисусу как к «Божьему Агнцу». На пасху во многих домах стол украшают пирогом в форме ягненка. Многие православные христиане вешают дома картины с изображением пасхального ягненка.

Подобного рода рассказы можно привести о любой традиционной пище, которую мы едим сегодня. Символизм является причиной того, что мясо некоторых животных не едят у определенного народа. И он же является причиной постов. Пост – это один из тех ритуалов, которые снижают или приостанавливают физическую активность, что приводит к состоянию неподвижности, сим-

волически сравнимому со смертью или состоянием, предшествующим рождению. С доисторических времен посты всегда были ритуалом, повышающим плодородие.

Некоторые посты предназначены для повышения плодородия, другие – для предотвращения катастрофы или служат наказанием за грех. Древние ассирийцы и вавилоняне соблюдали посты в знак наказания. У евреев тоже пост всегда означал наказание и очищение. Поэтому ежегодно соблюдают пост в День искупления грехов Йом Кипур. Пост, соблюдаемый мусульманами во время месяца Рамадан, тоже выражает искупление. Хотя большинство протестантских церквей сохранили посты после Реформации в 16 веке, более строгие протестанты, такие как пуритане, осуждают традиционные посты. Православная церковь, наоборот, продолжает строго соблюдать посты. Аборигены северной Америки соблюдают посты племенами, чтобы отвратить грозящие опасности. А политические посты, известные как «голодовки», используются в качестве политического оружия еще со времен М. Ганди, лидера борьбы за свободу Индии, который эффективно использовал его в начале и середине XX века.

Противоположной крайностью в еде по сравнению с постом является переедание. Одна из традиций, основанная на кулинарных излишествах – это карнавал, который в христианских традициях состоит из пира и веселья накануне Великого поста. Марди Грас в Новом Орлеане – это известный карнавал, подобный карнавалу в Рио-де-Жанейро. Слово карнавал происходит от итальянского *carnivale*, которое в свою очередь восходит к латинскому *carne* – «мясо» и *levare* – «удалять». Таким образом оно означает прощание с мясом. Постепенно на основе религиозной традиции сложилось современное представление о карнавале как форме развлечения на открытом воздухе, состоящей из выставок, игр, катаний, показов и всевозможной соблазнительной еды.

Акт поедания пищи представляет собой «знаковое действие». Это становится понятным, когда кому-нибудь предлагают съесть что-либо, что семиотически воспринимается как несъедобное. В англо-американской культуре так воспринимаются кролики, которые считаются не источниками пищи, а скорее домашними друзьями человека, хотя из этого правила есть исключения, особенно в кухне некоторых отдаленных мест. В той же кухне лисы и собаки не относятся к разряду съедобных, хотя первые – это деликатес в России, а вторые – в Китае. И наоборот, мясо буйвола (бифштекс, гамбургер и т. д.), ягненок и птицы постоянно употребляется в пищу в англо-американской и европейской культуре, за очень немногими исключениями отрицательного отношения и нелюбви к мясу. В Индии, с другой стороны, корова считается священным животным в соответствии с религиозной традицией, и поэтому говядина воспринимается как несъедобная.

Интересно, что кролики стали домашними животными именно в Древнем Риме и по всей империи служили источником пищи. В Англии XVI века на кроликов охотились ради добычи их меха. По этой же причине их держали в хозяйстве и проводили селекцию, улучшая качество шкур. В XIX веке был принят закон, строго запрещающий охоту на кроликов. Однако, на остальной территории бывшей Римской империи кролики продолжали считаться источником пищи. На рубеже XX века в англо-американской культуре вновь под-

тверждается отношение к кролику как к домашнему другу. Усиление антропоморфных коннотаций, произошедшее с тех пор, можно видеть в популярности художественных образов кролика (Баг Банни, пасхальный кролик, Бенджамин Банни), которые стали обязательными спутниками детства.

Можно сделать вывод о том, что съедобность скорее определяется культурой, чем природой. Некоторые представители флоры и фауны достаточно вредны для организма человека. Если не принимать их во внимание, список растений и животных, которые считаются съедобными (или несъедобными) в значительной мере – результат истории традиций. Мы не можем получать питательные вещества, поедая кору, траву или солому. Но мы вполне могли бы получать их, употребляя лягушек, муравьев, земляных и шелковых червей, ящериц и змей. Большинство людей в англо-американской культуре испытывают отвращение при мысли о потенциальной возможности употребления в пищу таких животных. И все-таки есть культуры, в которых это едят не только в связи с питательной ценностью, но и потому что это неотъемлемая часть символических традиций. Выражение «привить вкус» к какой-нибудь иностранной пище показывает, как тесно связаны съедобность и культурное восприятие. В условиях одиночества на воображаемом острове Робинзона Крузо, описанном выше, конечно, вопрос бы стоял не о «вкусе», а о выживании с любым вкусом.

Связь пищи и культуры настолько крепка, что первую обычно и стереотипно используют как шаблон для оценки других народов и их культуры. Люди воспринимают различия гастрономических привычек национальных кухонь как фундаментальные различия в мировоззрении и образе жизни – как различие между «своими» и «чужими». Стоит заметить, что когда люди воспринимают чужую кухню не только как вкусную, но и как изысканную, культура тех, кто эту пищу готовит, воспринимается гораздо более позитивно.

Правила в еде, как и все остальные социальные установления – это регулируемые системы, они контролируют, что едят, когда, кому можно есть и т. д. Можно предположить, что эти правила будут меняться от культуры к культуре в зависимости от того, как воспринимаются определенные виды пищи, как их готовят, кто их ест в первую очередь и т. д. В некоторых патриархальных обществах, например, старший член семьи ест первым, затем следующее поколение, а младшие – последними. На церемонии бракосочетания во всем мире специальные правила предписывают, как организовать мероприятие (например, молодожены обычно сидят отдельно от приглашенных гостей).

Ко всему прочему правила застолья определяют, как организовать мероприятие, включая последовательность подачи блюд, что с чем можно подавать вместе, как расположить блюда на столе, кого обслуживать в первую очередь, кто руководит, кто говорит, а кто слушает, кто где сидит и какие темы для разговоров уместны. Званые обеды чреватые надеждами и опасностями, так как представляют собой мероприятия, на которых принимают решения, завязывают важные связи или разрывают их.

Мероприятия, связанные с приемом пищи, так важны для установления и поддержания общественных отношений и гармонии, что буквально каждая культура предназначает определенную часть помещения дома для функций питания и связанных с ними церемоний. Более того, все культуры имеют тща-

тельно разработанный набор ритуалов и правил поведения за столом, которые прививаются членам культурного сообщества с рождения. Если вы не знаете правил, связанных с едой в определенной культуре, вам придется их выучить, если вы хотите жить в этой культурной среде без упреков и осуждения. Рассмотрим конкретный пример. Если вы никогда раньше не ели спагетти и оказались в Италии, вам придется научиться правильно их есть с помощью вилки. В Неаполе девятнадцатого века, откуда и происходит современный вариант этого блюда, люди ели спагетти руками, поднимая каждую полоску в руке и запрокинув голову, опускали ее в рот, не испачкавшись. Сегодня правильно есть спагетти – значит наматывать их вокруг вилки небольшими порциями, затем брать вилку в рот. Всякий другой способ поедания спагетти был бы воспринят как нарушение приличий за столом.

Правила поведения за столом часто требуют умения пользоваться столовым прибором. Ножи, ложки, вилки и другие специальные инструменты для еды и раскладывания пищи до недавнего времени были привилегией аристократии. В Египте, Греции и Риме ножи и ложки аристократов изготавливались из драгоценных материалов, включая серебро и золото, а иногда украшались. У римлян были еще небольшие вертела. Это были предшественники вилки. Со средних веков и до эпохи Ренессанса нож оставался главной столовой утварью. Вилки вошли в привычный столовый обиход в Италии в шестнадцатом веке. В то же самое время ложки перешли из кухонной утвари в столовый прибор. С тех пор и поныне столовыми приборами пользуются люди всех классов. В течение девятнадцатого века было создано много других предметов для столовых приборов, таких как чайные ложки, ножи для масла и вилки для салата.

Обычно исследователи семиотики рассматривают правила, связанные с употреблением пищи, как прототипы правил поведения в обществе. Знаки, которые мы используем для передачи сообщений, выбираются не наугад. Когда мы, например, принимаем участие в застолье, наше участие будет успешным только в том случае, если мы знаем соответствующие правила поведения. Эти правила снабжают нас информацией о том, как есть пищу, когда разговаривать за едой и т. п. Правила, связанные с употреблением пищи имеют тенденцию к стабильности, очень мало меняются со временем, если вообще меняются. И тем не менее, их можно приспосабливать к новым условиям, и как и все коды они встраиваются в контекст. Недопустимо есть шницель руками в ресторане высокого класса, но на пикнике, среди друзей, на свежем воздухе, где может не оказаться ложек и вилок, это один из возможных способов. Ясно, что физический контекст мероприятия и социальные рамки референции будут определять, как следует есть то или иное блюдо. Ресторан в таком случае является социальным кодом. Поэтому мы относимся к тому, что едим здесь, иначе, чем если бы мы ели это в другом месте.

В ПОИСКЕ ЗНАЧЕНИЯ

Как показывают примеры одежды и пищи, основные понятия семиотической теории обеспечивают конкретную схему для понимания социальных феноменов таких как ритуалы, классификации (на съедобное – несъедобное и т. п.), тенденции моды и т. д. Действительно, они позволяют нам видеть обоб-

щения, которые объединяются в систему значения, определяющую человеческое существование.

Как я пытался показать в этой книге, главным образом на иллюстративном материале, для получения полного значения важно понять знаки и то, как они составляют системы знаний. Человек разумный – это создатель знаков и их пользователь. Но семиотика также предупреждает нас, что знаки едва ли являются истинными знаниями, они только репрезентации знаний. Знак выбирает то, что следует знать и запоминать из бесконечного разнообразия вещей, существующих в мире. (Знак выбирает то, что ему надлежит осветить для нашего знания и запоминания из бесконечного разнообразия вещей существующих в мире). Несмотря на то, что мы создаем новые знаки для облегчения получения нового знания и для уточнения уже имеющегося знания, – этим, например, постоянно занимаются художники, ученые и писатели – сплошь и рядом мы буквально позволяем своей культуре «думать за нас». С рождения мы попадаем в уже готовую систему знания, называемую «культура», которая в значительной мере будет определять, каким мы видим мир вокруг нас. Если бы могло случиться (гипотетически), что все наши знания (которые предаются в виде кодов) каким-то образом вдруг исчезли бы с лица земли, нам пришлось бы вновь полагаться на собственные способности с тем, чтобы заново репрезентировать окружающий нас мир.

Для примера рассмотрим концепт здоровье. Несмотря на то, что на первый взгляд может показаться, что этот концепт выражает всеми одинаково понимаемые вещи, в действительности, то, что в одной культуре считается «естественно здоровым», в другой несовместимо с представлением о здоровье. Невозможно дать определение здоровью вне истории, культуры или в абсолютных терминах. Этот концепт не отрицает существования событий и состояний в организме, которые приведут к заболеванию или болезненному состоянию. Все организмы имеют индивидуально-специфические системы оповещения тела, которые подают сигналы тревоги в случае опасных изменений в состоянии организма. Но для человеческого вида свойственно интерпретировать состояние тела культурно-специфическим образом. Вот почему в американской культуре сегодня считается, что здоровое тело должно быть худощавым и мускулистым. И наоборот, в других культурах оно должно быть таким, которое американцы сочли бы слишком полным и пухлым. Здоровый образ жизни понимается в некоторых культурах как пребывание в состоянии повышенной физической активности, в других на него смотрят как на более спокойный и сидячий.

Более того, как утверждает современная писательница Сюзана Зонтаг (1933-2004) в своей замечательной книге «Болезнь как метафора» (1978) культура настраивает людей на определенное отношение к некоторым заболеваниям. На примере рака Зонтаг показала, что в недалеком прошлом само слово рак убивало некоторых пациентов, которые не были обречены на смерть болезнью, которой они страдали: «До тех пор, пока к некоторым болезням будут относиться как к злым непобедимым хищникам, а не как к болезням, большинство больных раком, узнав свой диагноз, будут деморализованы. Мысль Зонтаг о том, что люди больше страдают от интерпретации своих болезней как знаков, чем от самих болезней, удачна и назидательна.

В аналогичной трактовке концепта болезни Даклин Даффин показывает, что болезнь – это то, что мы подводим под это определение. Она указывает на то, что когда-то любовь считалась настоящим заболеванием, даже несмотря на то, что появилась эта болезнь в античной поэзии. В двадцатом веке такое отношение к любви – результат скептицизма. Автор также утверждает, что гепатит С – основная причина цирроза печени – преимущественно вызываемый использованием зараженных игл во время нелегальных инъекций наркотиков, татуировок, пирсинга, уходит корнями в глубокую древность, но стал считаться «современным» заболеванием в результате открытий в области вирусологии и недавних трагических случаев, связанных с переливанием крови. Во все времена понятие болезни выкристаллизовывалось из комбинации социальных, культурных, правовых и научных фактов, а не какого-то одного абсолютного представления о болезни. Подобные же доводы можно привести в связи с такими расстройствами как прыщи и депрессия. Считают ли их заболеваниями или нет, зависит в основном от культурных факторов. Прыщи – проблема с кожей, которая ассоциируется с современными подростками; она состоит в различного рода пятнах преимущественно на лице, в верхней части грудной клетки и спине. Ее не считают заболеванием, если, конечно, она не переходит в тяжелую форму. Депрессия, наоборот, сегодня классифицируется как серьезное умственное заболевание, во время которого человек испытывает длительные периоды грусти и других отрицательных чувств. В прошлые времена такие переживания были бы соотнесены скорее с другими причинами, а не с физическим заболеванием. Однако, придание им статуса заболевания повлекло последствия, включая фармакологическое вмешательство врачей.

Знаки приводят наши мысли в порядок всеми возможными способами, но не ограничивают наше творчество и познание. Определенные знаки влияют на то, как мы воспринимаем реальный мир, но их можно использовать и как «инструменты открытий». Это показывает, что вероятно, мы используем знаки как часть системы понимания реальной действительности – системы, которая существует только у человеческого вида. Как уже обсуждалось в предыдущей главе, открытие – это процесс, основанный на знаках. А настоящие открытия происходят действительно постоянно. С одной стороны, знаки оставляют своеобразный человеческий след в природе. С другой, – они как озарение разгадывают загадки самой природы. Изобретение математического числа π (равно приблизительно 3,14) объяснялось необходимостью вычислять площадь круга. Но это же самое число оказалось «дескриптором» таких физических явлений как движение маятника и колебание струны. Эта синергия между знаками и реальностью действительно замечательна. Со времен первых цивилизаций и до наших дней между ними всегда ощущалась эта внутренняя связь.

Основная задача семиотики возможно состоит в том, чтобы исследовать, может ли существовать реальность независимо от знаков, которые создают люди, чтобы представлять ее и думать о ней. Есть надежда, что это направление в основных концепциях науки, изучающей связь между знаками и реальностью, будет успешным. Значительная часть современных работ по семиотике продолжает попытки объяснить природу знаков, кодов, текстов и репрезентацию в целом. Но все чаще исследователи семиотики обращаются к поиску мотивации семиозиса и репрезентативной активности. Действительно, изуче-

ние знаков – это изучение основных вопросов метафизики, которые преследуют людей повсюду: Почему мы здесь? Кто (или что) нас сюда привел (привело)? Что с этим можно сделать, и можно ли вообще что-нибудь сделать? Кто я и т.д.? Ответы на эти вопросы ищут языки, мифы, повествования, ритуалы, произведения искусства и тому подобное, воздействию чего подвергается человек в специфических культурных контекстах. Семиотика не пытается выяснить, почему эти вопросы возникают у людей, потому что она знает, что ответ вряд ли возможен. Она скорее ограничивает себя менее грандиозным проектом – описанием текстовой и репрезентативной деятельности, которую они (эти вопросы) вызывают. Тем не менее, в процессе поиска биологических, психических и социальных корней человеческой потребности в значении, «метафизического сюжета», знака начинает оформляться все более полный список вопросов, стоящих на повестке семиотики.

Семиотика – это динамическая, колеблющаяся, постоянно меняющаяся наука. Действительно замечательно то, что буквально с горстью понятий и концепций она может быть использована для того, чтобы очень глубоко описывать и понимать такие вещи как искусство, реклама, языки, одежда, здания и буквально все, что представляет интерес как творение человека. Надеемся, что закрыв эту книгу, читатель останется с одной истиной, которую так хорошо выразил Чарльз Пирс – что как вид мы запрограммированы «мыслить только знаками».

Литература

- L.S. Dubin, *The history of Beads* (New York: Abrams, 1987), 134.
Roland Barthes, *Système de la mode* (Paris: Seuil, 1967).
Claude Levi-Strauss, *The Raw and Cooked* (London: Jonathan Cape, 1964).
Susan Sontag, *Illness as Metaphor* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1978), 7.
Jucalyn Duffin, *Disease Concepts in History* (Toronto: University of Toronto Press 2005).